

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Дельфины и стоп-кран, или Почему так трудно поверить, что чудо существует	9
Где найти «волшебную палочку», или О потребительском отношении к чуду	24
И вдруг роза закачалась,или Как сотворить чудо для другого?	37
В снах он пересказывал Евангелие, или Есть ли жизнь после чуда?	54
Ощутить дыхание жизни, или Чудо как вразумление	73
Почему на Луне не бывает чудес, или Чудо как изменение человеческого сердца	92
О том, что чуда нет, или О том, что чудо есть.....	110

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это — книга-парадокс: она о том, чего для «здравомыслящего человека» не может быть, и о том, что точно есть, потому что каждый «здравомыслящий» в глубине души это чувствует. Ведь если в нашем языке есть слово «чудо» — значит, чудо существует. А если чудо существует — значит, это кому-нибудь нужно.

Это — книга-исследование: главный вопрос, возникающий в разговоре о чуде, — «для чего оно дается?». Какое место чудо занимает в нашей жизни здесь и сейчас? Как связаны великие чудеса Христа, о которых мы знаем из Евангелия, и простые чудеса, которые случаются с нами в повседневной реальности? Как вообще связаны чудеса и реальность? Какое место чудо занимает в отношениях человека с Богом?

За ответами на эти и другие вопросы мы обратились к православным священнослужителям. И вместе с ними прошли путь с семью остановками.

1. В интервью с протоиереем Сергием Правдолюбовым мы пытаемся понять, почему нам — людям, живущим в век фантастических технологий, — иногда так трудно поверить, что чудо существует.

2. А поверив, мы тут же решаем извлечь из чуда выгоду — и подходим к нему потребительски. Об этом мы беседуем с протоиереем Алексеем Емельяновым.

3. Может ли человек, преодолев собственную меркантильность, сотворить чудо для другого? Существует ли «технология достижения чуда»? На эти вопросы отвечает протоиерей Игорь Фомин.

4. Чудо, свершаясь и взрывая привычный ход нашей жизни, ставит перед нами проблему, что делать дальше. Как жить в изменившейся реальности? Есть ли жизнь после чуда? Об этом рассказывает священник Михаил Таганов.

5. Мы привыкли ассоциировать чудо с избавлением или удачей. А как относиться к тому, что чудо бывает болезненным? О таких «неформатных» чудесах мы говорим с протоиереем Георгием Бреевым.

6. Чего хочет от нас Бог, когда говорит на языке чудес? Как связаны явления чудес — и состояние человеческого сердца? Об этом размышляет священник Сергей Круглов.

7. Если мы считаем чудом то, что кажется нам невозможным, и при этом верим в Бога, для которого ничего невозможного нет, то что вообще такое — чудо? И как связаны вера в чудо — и вера в Бога? Об этом мы беседуем с протоиереем Павлом Великановым.

Каждое из этих интервью предваряется отрывком из Евангелия — описанием чуда, сотворенного Христом. Это служит своего рода точкой входа в дискуссию. А еще по-своему объясняет, почему та или иная тема по-настоящему волнует. Ведь Евангелие,

рассказывая о событиях двухтысячелетней давности, говорит о нас сегодняшних.

И наконец, это — книга-разоблачение. Наши герои просто делятся своим личным опытом, рассказывая о чудесах, которые случались с ними и с их прихожанами, о том, к каким открытиям эти чудеса подвигли. И смысл этих рассказов отчасти в том, чтобы чудеса... разоблачить. То есть ответить на вопрос, какова природа чуда — его внутренняя логика, его генезис, механизм его осуществления. А для этого прежде всего нужно в существование чуда поверить. Ведь невозможно постичь то, что для тебя не существует...

Мы — автор и издатели — разрешаем себе надеяться, что в этих чудесных историях — в прямом и переносном смысле слова — читатель узнает себя.

Константин Мацан

**ДЕЛЬФИНЫ И СТОП-КРАН,
или Почему так трудно поверить,
что чудо существует**

*Беседа с протоиереем Сергием Правдолюбовым,
настоятелем храма Живоначальной Троицы
в Троицком-Голенищеве, доктором богословия*

«У одного сотника слуга, которым он дорожил, был болен при смерти. Услышав об Иисусе, он послал к Нему Иудейских старейшин просить Его, чтобы пришел исцелить слугу его. И они, придя к Иисусу, просили Его убедительно, говоря: он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу. Иисус пошел с ними. И когда Он недалеко уже был от дома, сотник прислал к Нему друзей сказать Ему: не трудись, Господи! ибо я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой; потому и себя самого не почел я достойным придти к Тебе; но скажи слово, и выздоровеет слуга мой. Ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает. Услышав сие, Иисус удивился ему и, обратившись, сказал идущему за Ним народу: сказываю

вам, что и в Израиле не нашел Я такой веры. Посланные, возвратившись в дом, нашли больного слугу выздоровевшим».

Евангелие от Луки, 7: 2–10

Почему так трудно поверить, что у Бога нет ничего невозможного? Почему, чтобы носить в сердце эту простую мысль, нужно что-то в себе преодолеть — как будто переступить через барьер? Ведь, казалось бы, это знание должно даваться легко — оно же окрыляет, вдохновляет, укрепляет и успокаивает: дескать, что бы ни случилось — у Бога все под контролем... Но нет — оказывается, маловерным быть привычнее. На этом фоне читаешь в Евангелии о капернаумском сотнике — и поражаешься: откуда, ну откуда у него такая вера — мгновенная и неколебимая? Какими внутренними силами нужно обладать, чтобы сказать: Господи, верю, что достаточно одного Твоего слова — и все изменится... Сотник услышал о Христе впервые — и сразу поверил в возможность чуда. А я — который призван помнить о Христе ежедневно и у которого за плечами две тысячи лет христианской цивилизации — изо дня в день оказываюсь маловерным. В чем же секрет этого сотника?

— Отец Сергей, а вам самому когда-нибудь случилось сомневаться в возможности Божественного чуда?

— И да, и нет. С одной стороны, я вырос в семье священника, и поэтому сомнения в существовании Бога,

а значит, и чуда у меня никогда не было. Мне даже хотелось выйти на улицу с диктофоном и искренне поговорить с неверующими: «Как вам удается не верить в Бога?» Для меня в обосновании нуждалось не то, что Он есть, а, наоборот, то, что Его может не быть. С другой стороны, все мы так или иначе впадаем в маловерие — в том числе и в отношении к чудесам. Было такое и со мной — это касалось чтения житий святых.

Есть удивительное житие святых Мартиниана, Зои и Фотинии (память 13/26 февраля). Его иногда с доброй иронией называют «романтическим». Мартиниану — монаху-подвижнику — не везло с покоем и тишиной: ему на пути постоянно встречались женщины. Зоя поспорила с какой-то своей подругой, что сможет монаха совратить. В один дождливый день она постучалась к нему в уединенную келью, находящуюся в пустыне далеко от монастыря, и попросилась погреться — мол, промокла, замерзла... Мартиниан пустил, а она скинула с себя верхнюю одежду, предстала перед монахом в своем самом блистательном наряде — и стала склонять к блуду. И настолько она была интересной и привлекательной, что Мартиниан, очень долго борясь с помыслами, все же сдался и внутренне решил на грех. Надо было выйти из кельи — посмотреть, не идет ли кто. И вот он вышел, увидел пустыню, вспомнил, ради чего он сюда удалился, — тут же раскаялся в своих помыслах и возопил: «Господи, прости меня!» Недалеко от кельи тлел костер, на котором Мартиниан недавно готовил еду. Монах встал босыми ногами на угли и стоял, преодолевая боль. Это увидела Зоя, испугалась, закричала,

стала просить прощения у него и у Бога. Она ушла со слезами и сама впоследствии стала не только монахиней, но и святой, прославленной Церковью.

После этого Мартиниан решил: от женщин надо держаться подальше. И уехал на уединенный остров, куда заплывали только рыбаки. Но однажды в бурю проходящий мимо корабль потерпел крушение, и на берег выбросило еле живую обнаженную девушку Фотинию. Мартиниан понимал: если он не окажет ей помощи, будет виноват перед Богом в ее смерти. Если окажет и возьмет к себе — будут те же ужасные искушения. Он все же принес ее в свою келью, положил в кровать, долго выхаживал, кормил и отпаивал чаем с травами, чтобы девушка выжила. И когда состояние девушки, говоря современным языком, стабилизировалось, он сказал ей: «Не бойся, вот тебе еда и питье, скоро приедут рыбаки и тебя заберут. А я здесь больше оставаться не могу».

И дальше — самое странное: житие рассказывает, что Мартиниан пошел на высокий обрыв над морем, перекрестился и бросился в воду. Вряд ли это было попыткой самоубийства — но ведь и поплыть куда-то далеко, скажем, на другой остров истощенный монах-аскет вряд ли смог бы. И тут, как говорится в житии, его подхватили два дельфина, понесли по воде и помогли достичь берега.

Сейчас этому легко верить, но я-то читал это еще в свои школьные годы — в середине 1960-х. А в то время о дельфинах мы ничего не знали. О них ни слова не было в советской прессе: дельфины считались военным секретом — их пытались тренировать

для борьбы с вражескими кораблями. Но когда поняли, что ничего особенного в этом плане дельфины не могут, тема вышла из подполья — и говорить о дельфинах начали повсеместно, буквально дельфиний бум какой-то...

Так вот, когда я читал о том, что дельфины подхватили Мартиниана и понесли по воде, — я не поверил. Подумал: «Что-что, а уж это — точно сказки». Женщина, угли, кораблекрушение — это еще можно понять. Но дельфины, которые подхватывают человека, — это «чудеса». Каково же было мое удивление, когда через пару лет в «Комсомольской правде» стали писать о дельфинах и о том, что они ручные, что любят и спасают людей. Вот каким маловерным я оказался.

С тех пор, что бы мне ни встретилось в житиях святых, я не спешу сомневаться. Вдруг я просто чего-то об этом мире не знаю, что другие люди — более опытные в своих областях — уже давно изучили. Так я взял себе за правило: «Верь тому, что в житии написано».

— Вы говорите о житиях святых — о текстах весьма специфического содержания. Но ведь наша повседневная жизнь — не житие. Как здесь быть с маловерием?

— Но ведь святые тоже жили своей повседневной жизнью — зачем же так разделять? Могу привести пример, как житийная литература отразилась в зеркале жизни.

В одном замечательном сказании описан такой случай. Монах поздно вечером возвращался из

города в монастырь — и вдруг ему навстречу идет необыкновенной красоты блудница. Он понимает, что может не устоять, — и начинает горячо молиться: «Господи, молитвами моего духовного отца, помоги мне!» А дальше в тексте черным по белому написано, что в одно мгновение монах был перенесен к воротам монастыря, до которого оставалось еще примерно шестьдесят километров.

Мне скажут: «Это выдумка». А я отвечу: «Не спешите, давайте порассуждаем». Почему мы думаем, что Бог сотворил человека неспособным покорить пространства неземными методами? Почему мы решили, что человеку непременно нужно металлическое сооружение с крыльями и страшными гудящими двигателями? Почему такой примитив? А вдруг в раю было по-другому? А вдруг этот эпизод и появился в житии потому, что в раю человек мог мгновенно перемещаться в пространстве? Ведь до грехопадения Адам был царем природы, и только согрешив, отпал от Бога, от Его замысла о человеке — и тем самым подчинил себя земным физическим законам и причинно-следственной связи. А может, когда тот монах взмолился и попросил Бога о помощи, Господь применил к нему законы и реалии, которые существовали в мире до грехопадения?

Однажды, когда в середине 1970-х годов я служил иподиаконом у Патриарха Пимена в Богоявленском соборе, к нам на службу пришел моряк. Мы разговорились, и он рассказал о случившемся с ним событии, которое он никак не мог рационально объяснить. Причем моряк не был похож на фантазера.

Советские военные вообще были большими реалистами. И он рассказал, как крупный военный корабль, на котором он служил (моряк назвал его и описал), начал терпеть бедствие в Тихом океане. И тогда члены экипажа, которые верили в Бога — это в те-то годы! — взмолились святителю Николаю. Поразительно, но откуда-то советские моряки знали, что покровитель мореплавателей — святой Николай. И вот — как объяснял мой собеседник — в одну секунду военный корабль перенесся из Тихого океана в Индийский. То есть все приборы вдруг однозначно показали, что корабль находится в Индийском океане. Все это признали, но никто не мог объяснить, что произошло.

Я уверен, что читатели скажут: «Ну, уж это точно сказки». Само собой, в рассказе моряка можно сомневаться. И вообще — верить или не верить в такие вещи, каждый решает для себя сам. Но я лично в этот рассказ поверил по одной простой причине: если я верю, что Господь применил законы, действовавшие в мире до грехопадения, к монаху, о котором я только что рассказывал, почему я не должен верить, что то же самое Господь может явить в жизни обычных людей? Молитва же была!

После своей истории с дельфинами я уже не спешу врубать «стоп-кран».

— А в чем вообще причина маловерия? Ведь, казалось бы, это должно быть так желанно и радостно — верить в то, что у Бога нет ничего невозможного. Но человеку это так трудно дается...